

ИСКРА

Пролетарії всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

«Изъ искры возгорится пламя!...»
Отъѣтъ декабристъ Пушкинъ.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партии.

№ 67.

1-го юня 1904 г.

Годъ IV.

РЕФОРМАТОРСКІЯ ПОТУГИ.

Царствование Александра III оставило глубокий следъ въ разви-
тии русской политической жизни. Истекавшее кровью само-
державіе направляло всѣ усилия, чтобы удержать въ своихъ слав-
ѣюшихъ рукахъ ускользавшія отъ него нити государственного
управления, и цѣлая груда реакціонныхъ законовъ и мѣропрія-
тий изготавливалась ежегодно въ петербургскихъ канцеляріяхъ.
Еще реакціонные становились годы отъ года административная практика. Безжалостно урѣзая всѣ, и безъ того немногочислен-
ные, «прогрессивные» элементы въ законодательствѣ предыду-
щаго царствованія, новая эра поставила цѣлью своихъ стремле-
ний, если не восстановленіе, — безнадежность такой утопіи была

слишкомъ очевидна, — то по крайней мѣрѣ возможное прибли-
женіе къ порядкамъ и отношеніямъ крѣпостной эпохи.

Но, — какъ это всегда бываетъ съ реакціонной политикой, идущей въ разрѣзъ съ самыми основными потребностями общественно-эко-
номического развитія, — кратковременное укрѣпленіе позицій само-
державія покупалось цѣнною усиленіемъ того самого недоволь-
ства, той смуты и «крамолы», сокрушеннія которой съ такою на-
стойчивостью и прямолинейностью добивался царизмъ. И это тѣмъ
бѣль, что, ставя свою руку на преграды, праѣвшему пути крѣ-
постного уклада развитія капиталистического общества, царское
правительство, — въ силу требованій финансового хозяйства и
необходимости искать благосклонности влиятельныхъ элементовъ —
другую рукою всячески содѣствовало росту капиталистиче-
ской промышленности. А капитализмъ и самъ по себѣ не можетъ
долго примиряться съ гнетомъ само-державно-феодальныхъ по-
рядковъ и — что еще важѣтъ — въ лицѣ пролетариата созда-
етъ непримиримаго противника всѣхъ устоевъ российской само-
бытности. Въ этомъ же фактѣ капиталистического преобразованія
Россія черпала все новыя и новыя силы и тѣ слои противни-
ковъ само-державія, оппозиціи которыхъ до тѣхъ поръ не нахо-
дилъ достаточной поддержки въ сколько-нибудь широкихъ мас-
сахъ.

При такихъ условіяхъ создался для само-державія своеобразный «порочный кругъ», въ которомъ каждое новое реакціонное
избрание съ удвоенной силой будило чувство протеста, на-
копляло элементы глубокаго недовольства и все болѣе и болѣе
отрѣзывало всякую возможность мирнаго, «реформаторскаго»
развитія государственныхъ порядковъ въ сторону болѣе свобод-
ныхъ формъ общежитія. Если еще возможно было октроирова-
ніе Лорис-Меликовской конституціи въ 1881 году, то апо-
реакцій, крайне обострившая антагонизмъ всѣхъ развивающихся
слоевъ общества къ само-державію и въ то же время выдвинув-
шая въ пробудившуюсь къ политической жизни новые соціальные
слои, сдѣлала такое разрѣзаніе, «нарѣзаніе» вопроса «сверху»
немыслимымъ. Если въ началѣ 80-хъ годовъ передъ правитель-
ствомъ стояла вполнѣ посильная для него задача удовлетворить
скромныя конституціонныя мечтанія верховъ «образованнаго»
общества, то теперь не только эти «мечтанія» приняли болѣе
общириный характеръ, но всякая попытка прикоснуться къ фун-
даменту обетшаго государственного зданія неминуемо повела
бы къ предъявленію своихъ политическихъ требованій и такимъ
общественнымъ элементамъ, которыхъ «сверху» удовлетворить
во всякомъ случаѣ невозможно, потому что ихъ позиція принципі-
ально враждебна самому существованію «верху».

Александръ III сошелъ въ могилу, когда, казалось, реакція
второстепеннала по всей линіи, и всѣ опасны для само-державія
революціонныя и оппозиціонныя силы какъ бы прятались. Но
это только казалось, и первые же годы царствованія его пре-
емника обнаружили ясные признаки надвигающейся ликвидации,
передъ лицомъ которой само-державіе оказалось совершенно без-
помощнымъ. Реакція исчерпала себя, и дальше въ томъ же на-
правлении много идти было нельзѧ. Можно было усилить поли-
цейскій сыскъ и гнетъ; можно было попытаться укрѣпить адми-
нistrативную власть и расправу; можно было еще нѣсколько
стѣнкѣ земской «самодѣятельности». Но все это были не новыя мѣры; это были лишь количественный ростъ тѣхъ же са-
мыхъ избраний, начиная которымъ положить «незабвеній
родитель», и, при крайне обострившемся первомъ напряженіи
всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ, эта политика не
окупалась уже больше даже тѣмъ временнымъ ослабленіемъ ре-
волюціонного и оппозиціонного натиска, котораго удавалось до-
биваться само-державію въ предъявляемую эпоху: одинъ за
другимъ открыто выступали противъ само-державія всѣ оппози-
ціонные слои русского общества, и царское правительство ока-
залось не въ силахъ, хотя бы на время, справиться съ ними.
Въ силу указанныхъ выше причинъ, о сколько-нибудь серьез-
ныхъ попыткахъ, «реформами» направить весь революціонный и
оппозиціонный протестъ въ русло мирнаго и постепенного раз-
витія не могло быть и рѣчи. Вокругъ каждого, вновь высту-
павшаго на сцену общественного движения царское правительство
безпомощно металось, не рѣшалось сколько-нибудь серьезно
прикоснуться къ шаткому зданію русского государственного по-
рядка. И своей возненій, своей противорѣчивой политикой оно
только обострило и ускорило развитіе оформленного протеста.
Первый же крупный стачки рабочихъ заставилъ правительство
усиленно захлопотать вокругъ «рабочаго вопроса» — и въ концѣ
семилѣтникъ хлопотъ мы видимъ колоссальный итогъ въ видѣ
ряда демонстрацій и всеобщей стачки на югѣ. Правительство
хлопотало вокругъ студенческаго движенія, — и за два года
этого движенія изъ академическаго превратилось въ ярко полити-
ческое и вывало на сцену всѣ тѣ отраженія явленія, которыя
сказались во времени возрожденіи террористическихъ
стремленій. Правительство продолжало свою неустанные хло-
поты вокругъ земства, — и добилось консолидациіи и обособле-
нія «третьаго элемента», появленія «освобожденія» и пр. и пр.
Памятные петербургскіе съѣзы, техническій и пироговскій, под-
вѣтъ балансъ этой стороны царскаго хозяйственности.

Наконецъ зашевелился и послѣдній изъ тѣхъ китовъ, на ко-
торыхъ еще опиралось само-державіе. Политика непрерывно
усиливаемой государственной и дворянской «опеки», политика
выкачиванія денежнѣхъ ресурсовъ деревни и стѣненія свобод-
наго развитія ея хозяйственной и культурной жизни — полу-
чила страшный отвѣтъ въ видѣ крестьянскаго возстанія въ
чernоземныхъ губерніяхъ. «Крестьянскій вопросъ» такъ же
властно выдвинулъся на авансцену государственной жизни, такъ же
настоятельно требовалъ вниманія къ себѣ, какъ это уже
раньше случилось съ вопросомъ рабочимъ, вопросомъ студен-
ческимъ, вопросомъ земскимъ. Можно было заранѣе предска-
зать, что и въ разрѣшеніи «крестьянскаго вопроса» само-державіе
проявить не болѣе творческой силы, не болѣе смѣлости и
рѣшительности, чѣмъ во всѣхъ другихъ безымянныхъ «вопро-
сахъ» русской. Прѣткнувшись сколько-нибудь серьезно
къ крестьянскому и нeraзрывно съ нимъ связанныму аграрному
вопросу вообще, выдернуть хоть одно аено изъ этой безконечно
сложной и запутанной цѣни общественныхъ отношеній — зна-

чить отвѣтъ, какъ бы ни старалось само-державіе дать его въ
свою пользу!

Совершенно не понимая сущности развивающагося передъ
его глазами общественно-экономического процесса, не давая себѣ
ясного отчета въ причинахъ полнаго банкротства традиціонной
политики, въ тѣхъ колоссальныхъ измѣненіяхъ, которые внесъ
процессъ капиталистического развитія страны въ соціальную
структуру и психологию всѣхъ слоевъ русскаго народа, въ томъ
числѣ и крестьянства, само-державіе — устами редакціонной
коммісіи — продолжаетъ бормотать все тѣ же, давно опровер-
гнутыя жизнью слова, все тѣ же «безмыслия мечтанія»:
«Воспитаніе въ неустаннымъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ
исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчи-
вымъ успѣхомъ землѣдѣльческихъ работъ къ сознанію своей за-
висимости отъ вицѣній силъ природы и, слѣдовательно, отъ
началь вышаго порядка, крестьяне, болѣе, чѣмъ представители
какой-либо другой части населения, стоять на сторонѣ созида-
ющихъ и положительныхъ основъ общественности и государ-
ственности и такимъ образомъ силой вещей являются орудіемъ
исторической преемственности въ народной жизни противъ вся-
кихъ разлагающихъ силъ и беспочвенныхъ течений». Вотъ тѣ
«старыя пѣсни», которыхъ продолжаетъ пѣть само-державіе, вотъ
то старое сredo, которое оно не устаетъ повторять: на «неустан-
номъ трудѣ», не дающемъ досуга и простора для мысли, на
«однообразной обстановкѣ», суживающей умственный кругозоръ,
на вѣрѣ въ «начала вышаго порядка», отвлекающей вниманіе
отъ порядка общественного — на этихъ трехъ камняхъ зиждется
церковь само-державія. И оно не хочетъ видѣть, какъ неустанный,
какъ неумолимо перемыкаетъ жизнь эти камни: оно не хочетъ
слышать и видѣть ни «разлагающихъ» новыхъ пѣсень, ни «без-
почвенныхъ» новыхъ пѣсницъ. А новыя времена несутъ съ собою
и этихъ пѣсницъ и эти пѣсни...

Проектъ коммісіи переданъ на разсмотрѣніе губернскихъ
совѣщаній. Совѣщанія эти, конечно, не внесутъ никакихъ су-
щественныхъ измѣненій въ проектъ, развѣ только еще усилить
такъ громко звучащія въ немъ реакціонныя ноты. За это ру-
чается уже самъ составъ совѣщаній, въ который входятъ чи-
новники всѣхъ вѣдомствъ, съ усиленными участіемъ земскихъ
начальниковъ, и представители отъ дворянства. Члены отъ
земства приглашаются по выбору губернатора изъ числа уѣз-
дныхъ земскихъ гласныхъ, по одному на уѣздъ. Затѣмъ губер-
наторъ, предѣдательствующій въ «совѣщаніи», можетъ пригла-
шать еще «свѣдѣющихъ» лицъ по своему усмотрѣнію.

Цѣль устроства такихъ совѣщаній изъ линіи, яко бы «довѣ-
ріемъ общественнымъ облеченыхъ», не требуетъ поясненій.
Это — попытка не только эскамотировать общественное мнѣніе,
но еще и употребить эти, по вицѣніи, «мѣстныя», «обществен-
ныя» силы для санкционированія и усиленія своихъ реакціон-
ныхъ затѣй. Несомнѣнно, для придания хотя бы нѣкотораго
«приличія» всей этой реакціонно-бюрократической комедіи,
кое гдѣ губернаторы будутъ приглашаться въ «совѣщаніе» и
пару-другую самыхъ наимузыкальныхъ «либераловъ». Хотѣ-
лось бы думать, что хотя бы въ этомъ случаѣ у всѣхъ мудрыхъ
пѣсницъ либерализма хватитъ политического такта (его немного
нужно для этого), чтобы отказаться прикрывать своимъ участіемъ
позорную игру само-державія.

Итакъ, «пересмотръ» законовъ о крестьянахъ свелся къ про-
стому констатированію дальнѣйшаго существованія той крѣп-
остной кабалы, изъ которой не выходила деревня со временемъ
пресловутаго «освобожденія», и констатированію басії само-
державія въ попыткахъ «реформъ». Quietа попъ шоге — не
трогать существующаго, таковъ законы его самосохраненія. Оно
не можетъ уже медленно, постепенно само-управдниться путемъ
реформъ сверху; оно должно быть упразднено снизу.

И если само-державіе такъ опасается всего «новаго», такъ
боится притронуться къ тому, что существуетъ, такъ дрожитъ
предъ всякимъ рѣшительнымъ толчкомъ, то можно себѣ пред-
ставить ту роль, которую сыграетъ въ его судьбахъ колоссаль-
ная вѣстряка всѣхъ устоевъ русской жизни войной на Дальнемъ
Востокѣ!

ПОДЪ ШУМЪ ВОЙНЫ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется этотъ гипнозъ: люди про-
тивоположныхъ воззрѣй, патріоты кнута и борцы революціи,
разноцвѣтныя политики и безцвѣтная обывательская масса, —
съ различными чувствами, но съ одинаковымъ волненіемъ — хва-
таются изо дnia въ день за газетный листъ, приносящий из-
вѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

На этомъ «театрѣ» разыгрывается драма ослѣдительной яр-
кости, мірового значенія. Тамъ косится жизнь, и безмѣро растѣтъ
каждыя члѣнкотомъ человѣческихъ тѣлъ. Тамъ, помимо сознанія
«героеvъ», разрубается стары узелъ русской истории и
заявляются новые узлы. События за событіемъ ударяютъ по
нервамъ, и утомленное вниманіе, не замѣчая, проходитъ мимо
подавленного стона, задушеннаго крика — на родинѣ. Что знач-
ить, въ самомъ дѣлѣ, этотъ крикъ, этотъ стонъ въ общемъ шумѣ
войны, въ многотысячномъ хорѣ надеждъ, опасеній, проклятій,
которыя несутся ей всѣдѣль. Глазъ напряженно слѣдить за тѣмъ,
куда идутъ полки на лягунгскомъ полуостровѣ, и не видѣть — пе-
редвижній тѣхъ штатскихъ людей, которые подъ охраной об-
щественного невниманія свободятъ, члѣмъ когда-то не было,
творятъ свое обычнѣе дѣло. Они творятъ его лихорадочно-
спѣшно, они «ловятъ моментъ», быть можетъ, послѣдній, который
представляетъ въ ихъ распоряженіе режимъ угасающаго само-
державія; моментъ, когда жизнь — подъ павлининими тучами войны
— какъ будто замерла, въ ожиданіи событій, когда накопля-
ющія неудачи не успѣли еще сложиться въ политическая гроз-
ный итогъ, и «патріотизмъ» не обернулся своимъ тыломъ къ «вл-
астямъ предѣржащимъ», когда обыватель пока еще только впол-
голоса выражаетъ свое удивленіе, «неожиданному» фіаско русскаго
оружія, когда либералъ не знаетъ, кричать ли ему «ура» или поч-
тительно докладывать о желательности конституціи, когда рево-
люціонеръ никакъ еще не можетъ собраться привести въ поря-
докъ свои «домашніе» дѣла, и пробуждающееся сознаніе массъ
встрѣчаетъ такъ мало организационной поддержки.

Въ эту то, «страдную пору» штатскимъ людямъ привольно
совершать военные побѣги, производить диверсіи, братъ одну за
другой позиціи! У нихъ есть свой непріятель, исконный, «на-
слѣдственный» врагъ, съ которымъ ведется борьба вѣтъ уже

цѣлыхъ десятилѣтія, — революціонный интеллигентъ, сознатель-
ный рабочій. Съ ними давніе счеты, для нихъ, всегда найдется
свободное мѣсто — за «молодца замками», всегда къ услугамъ —
даровой проѣздъ въ гиперборейскую страну. Это — старая исто-
рія, занимающая публикую порой, какъ интересный романъ, какъ

важают реформы портфелями, но которое они будут поддерживать подъ тѣмъ условиемъ, что оно проведетъ обязательное обучение и пересмотръ конституціи. Далѣе слѣдуетъ отъметить, что либералы предстаютъ передъ избирателями съ демократической политической программой. Многие избиратели, которые чувствуютъ гнетъ клирикального правительства и которые на предыдущихъ выборахъ голосовали за социалистическую кандидатуру, вернулись къ либеральной партии. Слѣдовательно, мы потеряли, по различнымъ причинамъ, только демократическихъ избирателей, тѣхъ, которые повѣрили, что единственное возможное завтрашнее правительство есть правительство либеральное. Социалистическая рабочая масса осталась вѣрна намъ.

При обсужденіи тѣхъ мѣръ, которая необходима принять для улучшения нашего положенія, обнаружились, конечно, двѣ тенденціи. Два delegata, Дестре и Маруаль, настаивали на необходимости вести независимую классовую политику и бороться однаково съ либералами и клирикалами. Другие — и среди нихъ Трокле, Фурненонъ, Конреръ, Вандервельде, Аньель, — насторожились, полагали, что необходимо прежде всего свергнуть клирикальное правительство и продолжать вести борьбу за отмену множественныхъ вотовъ. Съ этой целью слѣдуетъ присоединиться къ либераламъ тамъ, где антиклирикальная коалиція можетъ отвоевать място у клирикаловъ. Но и тѣ и другие были согласны, что необходимо прежде всего социалистическое воспитаніе массъ и укрепленіе нашей организации, по мѣрѣ того, какъ либералы завладѣютъ нашей программой практическихъ реформъ. И — заканчиваетъ "Republique" свой отчетъ — Конреръ разомѣровалъ общее, повидимому, мнѣніе всѣхъ delegatovъ, сказавши: "Демократическая политика, какъ во Франціи, и социалистическая дѣятельность, какъ въ Германіи".

Какъ видите, съ бельгійскимъ социализмомъ приключилось якто совсѣмъ необычное. Его демократической программой завладѣли либералы и не выпускаютъ ея изъ рукъ, а отъ социалистической Вандервельде отказался, по крайней мѣрѣ, на время, судя по вышеупомянутому заявлению въ палатѣ. Ибо какъ другой смыслъ могло имѣть это заявление? Весьмаѣ, вѣроятно, что у Вандервельде были самыя похвальные намѣренія, что онъ хотѣлъ подчеркнуть передъ всѣмъ міромъ невозможность бельгійского Мильерана, но сдѣланное въ палатѣ въ то время, когда и либеральное министерство только еще мѣрещится гдѣ-то вдало, это заявление получило еще въ тотъ смыслъ, что бельгійская рабочая партія отказывается отъ борьбы за власть въ ближайшемъ будущемъ. Такъ оно было истолковано либералами въ ихъ выборной агитации, и социалисты не могли ничего противопоставить этому толкованию.

Неуклюжая заключительная фраза Конрера, которую, несмотря на ее неуклюжесть, подхватила и редакція "Republique" въ некоторые изъ партійныхъ вождей, является на самомъ дѣлѣ выводомъ не только изъ послѣднихъ именій Генерального Совета, но и изъ всей тактики бельгійской партіи за послѣдніе годы. Что такое "демократическая политика, какъ во Франціи"? Это оппортунистическая тактика Жореса, считающейся исключительно съ данными соотношеніемъ силъ въ даннѣй парламентѣ, аранѣе заявляющая о неосуществимости той или иной реформы въ виду отсутствія парламентского большинства за нее и потому постоянно урѣзывающая свои требования, дабы не натолкнуться на нежелательные препятствія. А что значитъ, "социалистическая дѣятельность, какъ въ Германіи"? Это значитъ слѣдовать старой испытанной тактике революціонной соціальдемократіи, разсчитывающей исключительно на революціонизированіе рабочихъ массъ, преслѣдующей во всѣхъ областяхъ достиженіе максимума уступокъ со стороны враждебныхъ пролетариату партій и никогда не забывающей конечную цѣль борьбы — диктатуры пролетариата. Между этими двумя тактиками необходимо выбирать. Бельгійская Рабочая Партия пока залась слишкомъ опредѣлившимся организмомъ, чтобы ее можно было легко растроить въ туманныхъ фразахъ какого-нибудь буржуазно-демократического блока! А съ другой стороны, большинство вождей оказались слишкомъ большими сторонниками французского метода"... Въ результатѣ получилось сидѣніе между двумя стульями. Уже во время кампаніи 1902 года социалистическая печать указывала на пагубный послѣдствіе этой двойной бухгалтеріи. Тогда вожди вели переговоры съ парламентскими либералами, въ то время какъ масса требовала болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Когда вожди уступили массѣ и объяснили всеобщую стачку, либералы отъ нихъ отшатнулись, а слѣдствіемъ этого явилась пристановка всеобщей стачки. Кампания была потеряна, потому что оказалось невозможнымъ вести въ одно и то же время тактику парламентского либерала и революціонного социалиста. Тѣмъ не менѣе, эта двойственность (не всегда сознательная и тѣмъ болѣе пагубная) продолжаетъ господствовать въ партіи и наложила свою печать на послѣдніе выборы. На первый планъ была выдвинута "демократическая политика", т. е., какъ мы видѣли, необходимость сверженія клирикального министерства и отмены множественныхъ вотовъ. Но съ такой же программой выступила и либералы. Жоресъ въ подобномъ случаѣ предложилъ бы соединеніе всѣхъ демократическихъ элементовъ: получился бы единный "демократический" блокъ, въ которомъ самъ чертъ не разбереть, гдѣ кончается социалистъ и начинается либералъ. Такую тактику и предлагалъ одинъ изъ вождей партіи — Бертранъ. По его мнѣнію, слѣдовало вступить въ избирательную кампанію не со всей социалистической программой, а только съ требованіемъ трехъ реформъ — всеобщаго избирательного права, обязательного обучения и уничтоженія замѣстительства въ отбываніи воинской повинности. Большинство не согласилось съ подобнымъ планомъ и рѣшило вступить въ избирательную кампанію со всей социалистической программой. Проведѣвъ въ жизнь подобного рѣшенія требовало критики половинчатости и ненадежности либерального демократизма — вѣдь это были тѣ же либералы, которые и въ 1902 году и раньше уже не разъ измѣнили дѣлу демократіи — и даже выступленія противъ либераловъ въ требованіяхъ радикальныхъ экономическихъ реформъ, такъ какъ либералы являются представителями крупнаго промышленнаго и денежнаго капитала. Но сознаніе, что отъ этого можетъ пострадать будущій демократический блокъ, лишило социалистовъ необходимой для подобной борьбы энергіи. А въ результатѣ сторонники демократіи голосовали за либераловъ, потому что голосовали за либерала и безаппеляцію, а иногда и выгоднѣе. А тогда какъ разница между объемами партіями почти исчезла. А рабочие не имѣли никакихъ причинъ бросить лагерь клирикаловъ, которые сумѣли раздуть значение пары провѣденныхъ ими мелкихъ реформъ.

Результаты двуединой тактики оказались такимъ образомъ очень печальными, и только нагнѣсти снизу можетъ, по нашему мнѣнію, спасти бельгійскую партію отъ новыхъ поражений.

¹⁾ Обычное название нынѣшняго парламентскаго большинства въ Франціи, составленаго изъ радикаловъ и жоресистовъ.

ИЗЪ ПАРТИИ.

Открытое письмо къ тов. Плеханову.

Уважаемый товарищъ!

Въ Вашей статьѣ "Теперь молчаніе невозможно", помѣщенной въ № 66 "Искры" есть нѣсколько мѣсть, которымъ должны вызвать въ каждомъ читателѣ, въ особенностѣ, въ каждомъ членѣ партіи. Я, какъ одинъ изъ членовъ той партіи, къ которой принадлежите и Вы, какъ одинъ изъ delegatovъ второго партійного съезда, подавшій голосъ за Васъ при выборахъ въ редакцію Ц. О. и въ Совѣтъ Партии, иначе, надѣюсь, право попросить Васъ растолковать мнѣ, а, вѣмѣстѣ со мною, въ остальномъ партійномъ товарищамъ, эти непонятныя мѣста.

1) Я прошу Васъ ясно и определенно указать, какія это известія, рисующія и рисующія политику Ц. К. въ Россіи въ довольно неблагопріятномъ свѣтѣ, доходили и доходятъ до Васъ еще до сихъ поръ?

Я думаю, что этотъ вопросъ не можетъ считаться нескромнымъ. Я утверждаю, что Вы, какъ выбранный съѣзdomъ членъ партійного Совета и редакціи Ц. О., не стали бы публично, на страницахъ партійного органа, дѣлать намеки на то, что Вы не могли бы доказать тѣхъ же публично ссылками на факты, которые могли бы быть доказуированы передъ всѣй широкой публикой, читающей "Искру".

По тѣмъ же основаніямъ, я надѣюсь, Вы не откажете, въторыхъ: открыто и не намеками, а конкретными фактами показать, въ чемъ именно проявилась та дѣятельность заграничныхъ представителей Ц. К., которую Вы сочли возможнымъ назвать политикой "мертвой петли", тѣго затягиваемой на шею нашей партіи"; а также указать, въ 3-хъ: какіе это "неразумные подвиги" тов. Ленина — наиболѣе, якобы, послѣдовательнаго, по Вашимъ словамъ, носителя принциповъ этой политики — заставили Васъ припомнить слова некрасовскаго князя Ивана о министерскомъ стулѣ и глупостяхъ, надѣланыхъ на немъ?

Наиболѣе же важнымъ, какъ для меня, такъ, я увѣренъ, и для всей нашей партіи, является объясненіе предъявленного Вами къ остальнымъ членамъ Ц. К. требованія, чтобы они отняли у тов. Ленина данныхъ ему полномочія. Я полагаю, что Вамъ извѣстны какія-нибудь совершенія тов. Ленинъ, преступленія противъ партіи, которыхъ даютъ Вамъ право требовать лишить тов. Ленина довѣрія, выраженного ему съѣзdomъ и всей партіей въ лицѣ Ц. К. Вы намекаете на эти преступленія, говоря: "у него былъ для этого (т. е. для раскола) свой и совершенно понятный разсчетъ" и ниже: "Пусть плодить ихъ (т. е. недоразумѣній) Ленинъ — это въ его интересахъ; а въ интересахъ нашея дѣла поступать совершино наоборотъ".

До сихъ поръ было извѣстно, что "разсчетъ" тов. Ленина въ "его" интересахъ были какъ разъ именно тѣмъ разсчетомъ и тѣми интересами, за которые мы на второмъ съѣзда нашей партіи подавали голоса вмѣстѣ со Вами, т. Плехановъ. Это то интересы и этотъ разсчетъ заставили насъ, овѣяанные вмѣстѣ съ Вами, тов. Плехановъ, голосовать не за утвержденіе старой редакціи, а за назначеніе новой, избрать въ Ц. К. трехъ испытанныхъ борцовъ за принципы лѣстѣдовской "Искры", а не дѣлать его представительнымъ учрежденіемъ различныхъ течений нашей партіи, и, въ дозвѣщеніе всего, хранителемъ этихъ принциповъ, т. е. пятнадцати членомъ Совета, избрать именно Насъ какъ одного изъ самыхъ горячихъ и упорныхъ руководителей нашихъ въ борьбѣ съ оппортунистическими тенденціями на съѣзѣ.

Очевидно, Вы, требуя лишенія тов. Ленина данныхъ ему полномочій и приглашая остальныхъ членовъ высказатьсь противъ него, намекаете не на эти "интересы" и "разсчеты", а на какіе-то особые, преступные, достойные такого жестокаго для революціонера наказанія, какъ лишеніе довѣрія. Въ такомъ случаѣ "партийный долгъ", Ваша "честь революціонера" обязываетъ Васъ передъ всей партіей дать "простые ответы" на поставленные мною здесь вопросы.

Опять повторяю: я увѣренъ, что Вы не стали бы высказывать эти начеки публично въ Ц. О., если бы у Васъ подъ руками не было достаточно магнера, могущаго быть опубликованнымъ въ то же Ц. О., доступномъ широкому слою читателей. Я думаю, что Вы не стали бы публично дѣлать намеки на то, что, по конспиративнымъ или инымъ соображеніямъ, не можетъ быть такъ же публично доказано или опровергнуто. Поэтому я надѣюсь, что Вы, опубликовавъ въ ближайшемъ номерѣ "Искры" мое письмо, дадите вѣдѣть съѣзду и "простые" ответы на поставленные въ немъ вопросы.

Закончу Вашими же словами: для Васъ, теперь молчаніе невозможно: оно становится теперь нарушеніемъ партійного долга".

М. Лядовъ.

6 июня 1904 года.

Отвѣтъ товарищу Лядову.

Почтеннѣйший товарищъ! Мой отвѣтъ Вамъ будетъ кратокъ. Прежде всего я поставлю Вамъ на видъ, что Ваше письмо написано странными и, — при данныхъ обстоятельствахъ, очень смѣшными, — тономъ того "допроса", который въ нашу старую юридическую практику назывался "допросъ съ пристрастиемъ". Я совершенно не знаю, что даетъ Вамъ право говорить со мной такими тономъ. Неужели тѣ два обстоятельства, что Вы — членъ партіи и что Вы голосовали за меня на второмъ съѣзда? Но подумайте немного, — если только Ваше очевидное раздраженіе не совсѣмъ лишило Васъ склонности къ размышленію, и Вы сами поймете, что этихъ обстоятельствъ еще недостаточно для того, чтобы позволить Вамъ допрашивать меня такъ, какъ Вы вздумали допрашивать.

Когда въ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партии восторжествуетъ — если восторжествуетъ — та политика, которую я называю политикой "мертвой петли, тую затягиваемой на ея шею", тогда Вашъ странный и смѣшной тонъ, — считающійся теперь "устарѣвшимъ" даже въ российскихъ правительственный канцеляріяхъ, — можетъ быть, и станетъ общепринятымъ въ союзныхъ членовъ партій съ ея литераторами, которыхъ къ тому времени будутъ, вѣроятно, переименованы въ "партийныхъ сочинителяхъ". Но это мнѣ все равно, потому что тогда я, конечно, уже не останусь ни въ редакціи, ни въ партіи. Теперь же, когда еще не наступило такое время, — которое было бы временемъ униженія и стыда для нашей партіи, — я когда еще очень позволяю усомниться въ томъ, что оно наступитъ, теперь Вы, почтеннѣйший, обязаны вести себя прилично и помнить, что тонъ "допроса съ пристрастиемъ" и непозволительны, и нечестивы, ибо напугать меня или кого-нибудь изъ остальныхъ редакторовъ "Искры" не такъ легко, какъ это Вы, повидимому, воображаете. Значитъ, Вы только даромъ ставите себя въ нелѣпо смѣшное и смѣшно пѣлѣпое положеніе.

Что касается собственно Вашихъ "допросныхъ пунктовъ", то я, не служащий дворянинъ Тамбовской губерніи, Георгій Валентиновичъ сынъ Плехановъ, у исповѣди и святого причастія очень давно уже не бывавшій, не токмо за еграхъ, но и за совѣсть отѣча.

По пункту на счетъ моихъ будто бы "намековъ" на Ленина:

Я не требовалъ, чтобы Ц. К. лишилъ его довѣрія и рѣшительно не знаю, почему таковыя на меня, съ Вашей стороны, нѣбѣда. Я только полагалъ и полагаю, что если Ц. К. не одобряетъ политики Ленина, то ему надо лишить этого товарища полномочій, которыхъ даны ему какъ "заграничному представителю этого учрежденія", и назначить другого уполномоченнаго, лучше выражающаго его, Центральнаго Комитета, стремленія и намѣренія. Вотъ только и всего. Это такъ просто, что даже совсѣмъ Ивановъ, не вѣшающій ничего пристраннаго, пойметъ это безъ особенного напряженія ума. И если это непонятно совсѣмъ, виноватъ — товарищу Лядову, то это объясняется тѣмъ особымъ настроениемъ, въ которомъ находится онъ и, если я не ошибаюсь, довольно значительная часть нашихъ "твердыхъ" товарищъ. Они чувствуютъ, что логическими доводами имъ защищать свою позицію невозможно, поэтому они спѣшатъ обижаться. Въ направлении болѣзни обидчивости они изутъ такъ быстро, что скоро догонятъ нашихъ социалистовъ-реакціонеровъ, которые, какъ извѣстно, начинаютъ кричать, что ихъ обидѣли, всякий разъ, когда посыпаются въ затруднительное положеніе. Но что прилично социалисту-реакціонеру, то неприлично соціальдемократу, у которого не должно быть ничего, кроме холоднаго презрѣнія къ этой жалкой роли высокомъ прекраснѣйшей душѣ, какъ выразился однажды Марксъ въ одномъ своемъ полемическомъ произведеніи.

Если въ той или другой изъ моихъ статей было или будетъ что-либо обидное для Ленина, то онъ самъ можетъ вступить въ

объясненіе со мною, и я не откажусь дать ему гласный отвѣтъ на счетъ тѣхъ выражений, въ которыхъ я говорю о немъ, въ надеждѣ, что онъ не откажется печально объясняться на счетъ тѣхъ выражений, въ которыхъ онъ говоритъ о товарищахъ П. Аксельродѣ, В. Засуличъ и другихъ заслуженныхъ членахъ нашей партіи. Я думаю, что ходатаи по деламъ Ленину не нужны, и потому отъ советника Лядовъ ни въ какіе разговоры о немъ вступать не желаю.

Пунктъ второй.

Что касается дѣятельности Центральнаго Комитета и его заграничныхъ представителей, то я говорилъ о ней въ обращеніи къ этому Комитету и считаю себя обязаннѣмъ объясняться на этотъ счетъ именно съ мною, а не съ кѣмъ либо другимъ, хотя бы этотъ другой и подаваль за меня голосъ на второмъ съѣзѣ партіи. Если Ц. К. угодно публично объясняться со мною по этому поводу, то я юзовъ; и тутъ товарищъ Лядовъ не ошибается: данныхъ у меня достаточно. Но прежде, чѣмъ я скажу что-нибудь на этотъ счетъ, нужно, чтобы заговорилъ самъ Ц. К., а не какой то ходатай по деламъ, хотя бы и очень способный допрашивать съ пристрастиемъ. Но если Ц. К. пожелаетъ публично объясняться со мною, то онъ, разумѣется, — по требованію логики и по долгѣ вѣжливости, — не откажется предварительно отвѣтить на тѣтъ вопросъ, который я гласно поставилъ ему въ № 66 "Искры". Я думаю, что письмо товарища Лядова послужитъ нашему Ц. К. лишнимъ побуждениемъ для отвѣта на указаннѣй вопросъ, и съ этой сторонылагаю, что письмо этого товарища пранесетъ пользу нашему общему дѣлу, несмотря на то, что оно написано тономъ гораздо болѣе приличнымъ какомунибудь сутѣнѣ изъ числа персонажей Островскаго, чьи соціальдемократы. Теперь молчаніе Ц. К. становится все болѣе и болѣе невозможнымъ.

Третій допросный пунктъ гласитъ: "какіе это неразумные подвиги тов. Ленина, наиболѣе, якобы, послѣдовательнаго, во Вашимъ словахъ, носителя принциповъ этой политики — заставили Васъ припомнить слова некрасовскаго князя Ивана о министерскомъ стулѣ и глупостяхъ, надѣланыхъ на немъ".

Я отдаю должную дань тому, "казнено-угрожающему штилю", кому написанъ сдѣланный пунктикъ, и невольно восклицаю опять съ Некрасовыми:

"Когда бъ я слогъ такой имѣлъ!"

Я думаю, кроме того, что тов. Лядовъ едава ли поступиль тактично, напомнивъ Ленину о тѣхъ некрасивы